

пость стала торговым центром; его значение возросло с превращением Калиакры в центр Добруджанского деспотства. Археологические материалы свидетельствуют о большой роли земледелия в экономике города; здесь было развито виноградарство, животноводство, рыболовство, охота. Открыты также ж-л-зделательные печи, а находки керамики, с одной стороны, говорят о высоком уровне гончарного ремесла, с другой — о широких торговых связях. Это подтверждают и находки монет тырновского и византийского чекана, а также монет из Сербии, Влахии, Венеции и Генуи.

Об едином социально-экономическом и стратегическом комплексе, в состав которого в XI в. входили Асеновград, селища Станимах и Петра, крепости,

защищавшие их, и Бачковский монастырь пишет Р. Морева («Средневековый город Станимах»). В период Второго Болгарского царства Станимах развивается в типичный средневековый город с двухчленным делением: крепость и предградье с торгово-ремесленным населением.

В целом рассматриваемый сборник статей отражает значительные достижения болгарской медиевистики в изучении города. Анализ материалов раскопок 19 городов и крепостей, расположенных в различных районах исторической Болгарии, дает основание считать, что многие из задач, сформулированные в статье П. Петрова, успешно разрабатываются болгарскими историками.

А. И. Романчук

Язык и стиль византийской метафразы (Hunger H. Anonyme Metaphrase zu Anna Komnene, Alexias, XI—XIII. Ein Beitrag zur Erschliessung der byzantinischen Umgangssprache. — Wiener Byzantinische Studien, 1981, Bd. XV. 265 S.)

Подобно тому как в начале XX в., в пору эмансипации византистики из лона классической филологии, эллинисты смотрели на всю византийскую литературу несколько свысока, так и в наше время, еще сравнительно недавно, уже сами византисты относились к метафразам византийской литературной «классики» как к материалу второстепенному. В языковом отношении эти произведения считались удержанными и вульгаризованными (vulgärgriechische), в историко-культурном — сокращенными переделками, лобопытными сами по себе как историко-литературный казус, но не более. Однако последние годы отмечены все более пристальным вниманием и интересом именно к таким метафразам, написанным не столько на обедненном, сколько обыденном языке, — языке, близком к повседневной речи, но тем не менее (как показывает новый языковой анализ) литературном, пусть и общеупотребительном. Лингвистам эти сочинения интересны как своего рода звено между удавшейся вуэризом византийской «классической» литературой (hochsprachliche Literatur) и разговорной, близкой к демотической, речью литературы «народной» (Volksliteratur). Литературоведам же такие метафразы важны, как показатель тенденции к упрощению «элитарных» в лексико-стилевом плане произведений — сочинений Анны Комниной или Никиты Хониата, — с целью, возможно, приближения их к «массовому» читателю, своего рода расширения читательского круга. Подобный социокультурный подход к предмету связан с интересом современных византистов к социальному фону византийского историко-литературного процесса, со стремлением уяснить социальную природу читательской аудитории и общественную направленность авторского творчества.

Оставшиеся в целом за пределами последних фундаментальных трудов по византийской литературе (и «народноязычной», и «высокого стиля») ¹, метафразы

произведений Никифора Влеммида, Никиты Хониата, а теперь и Анны Комниной стали предметом новейших исследований ².

Книга Г. Хунгера, изданная в серии «Венских византиноведческих исследований», содержит детальный сравнительный анализ языка и стиля мемуаров Анны Комниной и анонимной метафразы их XI—XIII книг (т. III, р. 33.19—132.18, по изданию Б. Лейба ³). Сохранившийся текст метафразы впервые издается полностью en regard с текстом Анны. В единственной рукописи метафразы утрачены начало и конец, так что сейчас нельзя сказать, было ли это сочинение переложением только указанных книг Анны или же всего текста «Алексиады». Для датировки метафразы существенна последовательная замена термина Κιλικία у Анны на Ἀρμενία, что могло отражать ситуацию, сложившуюся после изгнания в 1137 г. Иоанном II Комнином Левона Рубенида из Киликии или после признания в конце 50-х годов Торосом вассалитета по отношению к Византии ⁴. Показательно также употребление анонимным метафрастом имени πατρίνοῦς (№ 423) вместо παγάνοῦς: Анны: эта замена могла отражать распространение богомилства из Малой Азии на Запад (сам термин впервые зафиксирован в документе 1179 г.). Нако-

Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1, 2.

² Pignani A. Parafrasi o metafrasi (a proposito della Statua Regia di Niceforo Blemmida)? — Atti Accad. Pontan., 1976, v. 24, p. 219—225; Dieten J.-L. van. Bemerkungen zur Sprache der sog. vulgargriechischen Niketasparaphrase. — Byzantinische Forschungen, 1979, Bd. 6, S. 37—77.

³ Anne Comnène. Alexiadae / Ed. B. Leib. P., 1945. T. 3.

⁴ Характерно, что подобным образом эти этнонимы заменяются и в метафразе «Истории» Никиты Хониата: Dieten J.-L. van. Op. cit., S. 73.

¹ Beck H.-G. Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. München, 1971;

нец, исторические интересы метафраста (прежде всего к взаимоотношениям Византии с Западом, с «латинянами»), известная дистанция между ним и, с другой стороны, автором и героями «Алексиады», а также весь историко-литературный контекст эпохи, когда в XIII—начале XIV в. создаются аналогичные переложения Никифора Влеммида, Никиты Хониата, позволяют Г. Хунгеру датировать издаваемое сочинение палеологовским временем или даже периодом Латинской империи. Установить более точные хронологические грани пока невозможно. Текст метафразы восходит к cod. Coisl. gr. 311 сочинения Анны (по Б. Лейбу, — кодекс С), хотя и не является непосредственным списком в этой рукописи.

Почти половину книги Г. Хунгера занимают перечни слов и выражений метафразы, характеризующие изменения текста по отношению к оригиналу «Алексиады». Эти изменения, касающиеся как лексико-грамматической, так и стилистической сторон сравниваемых текстов, имеют решающее значение для определения языкового характера метафразы и представляют наибольший интерес.

Характерны глагольные модификации метафразы. Происходит вытеснение перфективных форм: отмечено 97 случаев замены перфекта аористом, 32 случая — презенсом, 8 — имперфектом, а также 25 случаев замены плюсквамперфекта аористом, 5 — презенсом, 15 — имперфектом (обратных преобразований форм аориста и презенса в перфект насчитывается лишь 4); к тому же в 16 случаях перфектные глагольные формы «Алексиады» заменяются метафрастом именными, адвербиальными и инфинитивными конструкциями. В меньшей степени наблюдается замена будущего времени презенсом или аористом (8 раз).

Показательны и тенденции модального развития глагола, отраженные в метафразе. Оптатив вытесняется формами конъюнктива (55 замен), индикатива (27), отчасти — инфинитива (2), причастия (4) и императива (1). Насчитывается лишь около 30 случаев употребления оптатива метафрастом (включая один, не имеющий эквивалента в тексте Анны). Еще меньше число раз — лишь 8 — употреблен метафрастом инфинитив (из них трижды — без соответствия в «Алексиаде»): 11 раз инфинитивная конструкция заменяется прямой речью, 97 — придаточными предложениями с личными формами глагола (при этом я насчитал 83 случая употребления конъюнктива), 16 раз — полным изменением выражения. Наконец, можно отметить определенную тенденцию к замене составных префиксальных глаголов простыми бесприставочными формами (123 случая при обратной замене в 12 случаях и 12 префиксальных и составных глаголах «Алексиады», оставленных без изменения).

Что касается отглагольных прилагательных (adjectiva verbalia), то на 44 их замены другими конструкциями (чаще всего именем или глаголом в личной форме) приходится 35 отглагольных прилагательных, оставленных без изменения

или новообразованных. Заметна тенденция к преобразованию причастных оборотов: можно насчитать 66 замен причастия придаточными предложениями (но 9 раз происходит обратная замена), 30 — глаголом в личной форме, 8 — именными формами, 3 — инфинитивом; 15 причастий оставлено без изменений.

Как и при упрощении составных глаголов, метафраст предпочитает составным и префиксальным прилагательным бесприставочные (60 раз), хотя 27 прилагательных с префиксами оставляет без изменения. Если говорить о формах степеней сравнения, то, как показывает анализ соответствующих конструкций, количество прилагательных в суперлативе, измененных на позитив, компаратив или другое слово (38), несколько превышает число случаев употребления суперлатива без изменений (15) и обратной замены (2). То же самое можно сказать и о прилагательных в сравнительной степени: 20, заимствованных из «Алексиады», против 17, замененных исходной формой или другим слововыражением.

Модификации же наречия у метафраста имеют «консервативный» характер. Это относится к наречиям на $-\delta\epsilon\upsilon$: 25 раз они заменяются другими формами (в том числе 16 раз предложными конструкциями); зато насчитывается 81 случай употребления наречий на $-\delta\epsilon\upsilon$ в соответствии с «Алексиадой» и еще 45 случаев «привнесения» их метафрастом в текст — вместо других форм. Анализ прочих изменений адвербиальных форм позволяет прийти к выводу об усилении предложных конструкций (23 из 41 случая замены). Употребительны у метафраста и обычные для новогреческого наречия на α .

Основные изменения, касающиеся имени, происходят с отглагольными существительными: они заменяются придаточными предложениями (35 раз), инфинитивом (28), личной глагольной формой главного предложения (6), причастиями и др. (10); обратных преобразований насчитывается лишь 3. Наконец, метафраст заменяет немногочисленные формы дуалиса (7 раз).

Анализ изменений в синтаксисе простого предложения дает следующие результаты. Наблюдается довольно очевидное вытеснение дательного падежа различными предложными конструкциями с винительным (77 случаев) и родительным (46) падежами (главным образом $\epsilon\acute{\iota}\varsigma$ + acc., $\pi\rho\acute{\omicron}\varsigma$ + acc., $\mu\epsilon\tau\grave{\alpha}$ + gen., $\acute{\alpha}\pi\omicron$ + gen.).

Отмечено 79 случаев замены датива другими конструкциями. Вместе с тем следует иметь в виду 22 случая самостоятельного употребления метафрастом дательного падежа и около 100 дативов «Алексиады», оставленных без изменения. В свою очередь, родительный падеж без предлога вытесняется (87 раз) предложными конструкциями (чаще $\acute{\alpha}\pi\omicron$ + gen. и $\epsilon\acute{\iota}\varsigma$ + acc.) или общим изменением фразы (87). Около 80 генетивов «Алексиады» переданы без изменений; употреблено также 6 «новых» генетивов. Наконец, можно проследить тенденцию к вытеснению конструкции genitivus absolutus при-

даточными предложениями (23 раза), ее преобразованием в главное предложение (9), другими заменами (15); обратных изменений можно насчитать лишь 4.

Для синтаксиса сложного предложения характерно употребление конструкции θέλω ἴνα + conj: еще один шаг до новогреческой конструкции θέλω νά + ind. Конъюнктивные конструкции с ἴνα употребляются и вместо будущего времени, и в значении императива. Показателен употребляемый метафрастом conjunctivus adhortativus в виде αἶς + conj. (ср. новогреческое образование).

Если в области грамматики все указанные выше изменения имеют черты совершенно определенного языкового развития, то в сфере лексики картина более сложна. Показательнее всего замены имен, прежде всего терминов. Вместо архаизированных социально-политических, военных терминов метафраст употребляет слова, которые мы бы сочли более близкими к новогреческому (ἀχρόπολις Анны — κουλὰς метафраста, ἀνάκτορα — παλάτιον, ἀπίς — σκουτέρι(ο)ν, Ἀβουστα — δέσποινα, δόρυ — κοντάρι(ο)ν, ἐποχος и ἱππεύς — καβαλλάρης или καβαλλικεύσας, ἐτεροστόιον. Ξίφος — μανιάντα, θυρεός — σκουτάριον, ναῦς и πλοῖον — καράβιον, κάτεργον или μονόξυλον; παρεμβολή — κατονοστόιον, στράτευμα или στρατός; σκηνή — κατοῦνα и τέντα).

Это же можно сказать и об этнонимии (Ἴταλοι — Φράγγοι, Κέλτοι — Ἀλαμανοί, Κιλικία — Ἀρμενία, Λατίνοι — Φράγγοι, περσιχός — τουρικός, Σχιδής — Κόμανις).

В других случаях termini technici «Алексиады» заменяются словами более широкого круга употребления или более конкретного значения (αὐτοκράτωρ — βασιλεύς; βασιλεύουσα — Κωνσταντινούπολις, μεγαλόπολις или просто πόλις).

Сильный пласт «неогречизмов» (в кавычках!) — и в области бытовой, семейной и иной лексики (у Анны — ἵππος, κλίνη, λάρναξ, ἔσος, παρειά, τέμπη, χλαμύδες, λευκός, πύρρος; у метафраста соответственно — ἄλογον, κραβᾶτιν, κιζάριν, χρόνος, μάγουλον, βουνά κλεισοῦρα, ρόυχα, ἀσπρος, κίκκινος; ср. также в метафразе — ἀτζάκιστος, κοκκινάδα, μάγουλον, κόρτα, ρουθούνι(ον), захко́ллин, хантаξ). Лексика, распространенная преимущественно в новогреческом, употребляется метафрастом и в глагольных конструкциях (ἀρέσω, γλυτώνω, ἐγχαράζω, κατουνέω, κοκκινίζω, κουρσεύω, ξεχνῶ, σκοτώνω, τζακίζομαι, φωνάζω; (ἐ)θέλω вместо βούλομαι; πρέπει вместо δεῖ; βλέπω вместо ὄραω и т. п.).

Однако результаты наблюдений над лексическим запасом метафраста неоднозначны. Это хорошо видно в тех случаях, когда применяются глаголы. С одной стороны, наблюдается сокращение их количества, совмещение в одном глаголе значений десятка других, встречающихся у Анны. Так, κρατέω употребляется метафрастом вместо 19 различных других глаголов «Алексиады», λογῶ — вместо 16, ποίεω — вместо 16, ἐρχομαι, οἰκονομέω, ὀρίζω — каждый заменяет по 9 других глаголов и т. д., т. е. как будто бы происходит симплификация лексики путем простого сокращения

словаря. Однако многочисленны и случаи, когда один и тот же глагол «Алексиады» передается метафрастом по-разному (ἀνελίττω Анны — ἀναγινώσκω и στρέφω — в метафразе; ἀνέχομαι — προσκαρτέρω и ὑπομένω; ἀπείρω — ἐμποδίζω, κρατέω и κλωύω; ἀπελαύνω — ἀποδιώκω и ἐκβάλλω; ἀπτομαι — ἀπόρχομαι, ἀρχομαι или καβαλλικεύω; ἀλλίχομαι — εὐρίσχομαι, κατουνέω или κείμαι; ἀφαίρω/ομαι — ἀρατέω, λαμβάνω или ἰδιονποιέω и κουρσεύω; βάλλω — πολεμέω, ῥίπτω и τοξεύω; βούλομαι — (ἐ)θέλω, ὀρέγομαι, ὀρίζω, στέργω; γινώσκω — γνωρίζω, διακρίνω или ἡγέομαι; διαρρήγνυμι — διασχίζω и τζακίζω; διατίθεμαι — ἐξασφαλίζομαι, καθίστημι, οἰκονομέω, γίνομαι; ἐνατενίζω — βλέπω, ἐντρανίζω и στρέφομαι; ἐνδιατριβῶ — διαβιβάζω, εἰμί, εὐρίσχομαι; ἐντυγχάνω — ἀπαντάω и ἐμπλέκω; ἐπισκίπτω — γράφω, διατάσσομαι, ὀρίζω и προστάσσω; ἐπιτρέπω — ἐνδίδωμι, ἐπιτάσσω, μῆνώ, προτρέπω; καταλαμβάνω — ἀπέρχομαι, ἔρχομαι, εὐρίσχω, κатέρχομαι, ὑποστρέφω и φθάνω; πέμπω — ἀποστέλλω, ἀποδιώκω и τοξεύω; πολιτορρέω — κουρσεύω, κρατέω, μάχομαι, παρακαθίζω, πολεμίζω; προσαγορεύω — καλέω, λέγω, ὀνομάζω; πυνθάνομαι ἀκόω, γνωρίζω, ἐρωτάω, μανθάνω).

Встречаются и случаи амбивалентной замены глагольных пар (например, ἀγωνίζομαι — σπουδάξω).

Метафраст предпочитает поэтическим оборотам лексику простую, неописательную и недвусмысленную (вместо δραματοῦργέω — κατασκευάζω, μηχανάομαι, πράσσω; ἀρειμάνιος — πολεμιστής; ἀρειφίλος — ἀνδρείος; ἐπιχορηγέω — εὐεργετέω и πέμπω).

Такова статистика лексико-грамматических изменений текста «Алексиады» в метафрастическом его варианте. Что же она показывает?

С одной стороны, налицо демолические тенденции в развитии грамматики — к исчезновению датива, опатива, трансформации форм и значений инфинитива, к сокращению префиксальных образований и росту предложных конструкций, общая тенденция к аналитизму языка. С другой стороны, видимо, можно говорить не только об упрощении речи, но и уточнении, прежде всего терминологии, ее актуализации. Именно этот результат достигается употреблением различных терминов (τάφος «Алексиады» — ὄρυγμα, σοῦδα или χάνταξ в метафразе; εὐνοια — γνώμη, πίστις, ὑπόληψις; ἡγεμονία — ἀρχή, βασιλεία, ἀρχηγός, ἀρχων, κεφαλή; πορθμός — λιμήν, πέραμα или πύρος), синонимичных, казалось бы, в тексте Анны, но различающихся между собой — в сознании метафраста. Этот же результат достигается и заменой причастных и абсолютных конструкций «Алексиады» более конкретными и однозначными даточными предложениями. Метафраст, стремясь, видимо, уточнить, конкретизировать действие, и ему это в большей или меньшей степени удаётся. Уточнению служит и употребление метафрастом терминов вместо описательных выражений Анны (τόξα και τζάγγαρι — вместо ἀροβόλισμοι; σαγίττα и τόξον — вместо βέλος; χρυσόβουλλον — вместо ἔγγραφον κάστρον или χώρα — вместо πόλις; ἀποκρισιάριος — вместо πρέσβυς; βίγλα — σκοπός). Это подтверждает и анализ стилистических измене-

ний в метафразе, где отмечен ряд плеоназмов. Все стилистические инновации, в том числе приводящие и к несомненным потерям в художественном отношении, имеют у метафразы *целесообразный* характер. Его язык — язык общепотребительный, обиходный, как на лексико-грамматическом, так и на стилистическом уровнях. Вместе с тем Г. Хунгер справедливо отмечает прорывающиеся следы знакомства анонимного автора с риторическим искусством, его умелую работу стилиста.

Итак, мы имеем дело не с «вульгарно-язычной» или «народноязычной» метафразой, а с сочинением, таким же *литера-*

турным, как и сама «Алексиада», но написанным на языке другого рече-стилевого уровня. К сходным выводам приходит и Я.-Л. ван Дитен в анализе метафразы исторического повествования Никиты Хониата.

Таким образом, устанавливается место византийских метафраз в византийской литературе — с точки зрения их языковой «принадлежности», тенденцией языкового развития. Важно, однако, и определить их историко-культурное значение, их роль в литературной жизни византийцев. Решение этой задачи еще предстоит осуществить.

М. В. Бибиков

H ö r a n d n e r W. Der Prosarhythmus in der rhetorischen Literatur der Byzantiner. — Wiener Byzantinische Studien, 1981, Bd. XVI. 181 S.

За византийской литературой прочно укрепилась репутация риторичной. Верное в самых общих чертах, это представление из «ярлыка» превращается в содержательное понятие лишь при условии, если дается детальный анализ компонентов, внутренних пружинок, механизма того явления, с которым связывается эффект риторичности. Ритмическая организация византийской прозы — важнейшая сторона этого феномена. Исследование австрийского византиста В. Хэранднера направлено прежде всего на определение количественных показателей ритмического строения клаузул, метрической структуры прозаической фразы, соотношения различных типов ударения (*oxytona*, *paroxytona*, *proparoxytona*) у более чем тридцати различных византийских прозаиков — от Гимерия и Фемистия до Пахимера и Никифора Каллиста Ксанфопула. Материал распределен по авторам, чтобы выявить особенности ритмики произведений каждого из них, притом на основе сравнительно-статистических данных (в абсолютных и процентных показателях). Все цифровые выкладки сведены в удобные таблицы, помещенные в приложениях.

Однако статистика сама по себе, как отмечает автор во Введении, является в данном случае не самоцелью, но лишь отправной точкой осмысления практики ритмической организации византийской прозы. При необходимой формализации анализируемого материала добиться однозначных показателей, видимо, все-таки трудно: отсюда — различия в подсчетах у разных ученых (отмечу, например, поправки В. Хэранднера к анализу Р. Маизано текста энохония Никифора Василага).

В книге анализируются и категории, в которых сами византийцы формулировали стилистические требования к языку своей прозы (*ῥυθμοί*, *συνθήκαι*, *σχηματα*).

Некоторые наблюдения В. Хэранднера имеют важное методическое значение для понимания византийской культуры в целом. Так, исследователь связывает особенности ритмического строения византийской прозы с установкой на устное воспроизведение текста (речей, посланий, школьно-риторических упражнений), на звуковое, а не зрительное восприятие

этих сочинений — скорее слушателем, нежели читателем. Сравнивая византийскую культуру с античной, мы часто говорим о книжном, «молчаливом» индивидуализированном характере словесности в Византии в отличие от публичного ораторствования в классических Афинах. Верное само по себе наблюдение нуждается, вероятно, в уточнениях. Рецитация, устное чтение литературы в Византии не умирало совсем, а обрело новые черты и функции в виде литургического действия, выступлений панегиристов, произнесения тронных речей, наконец, даже в будничном обиходе — в форме школьной устной дидактики, диктовки при переписке рукописей в скрипториях.

Что касается рукописей в целом, то вопросы ритмического анализа византийского текста оказываются в прямой связи с палеографическими проблемами. В. Хэранднер поддерживает наблюдения К. Крумбахаера над пунктуацией в манускриптах: знаки препинания в списках прозаических сочинений расставлялись писцами примерно с той же целью, что и вспомогательные значки для церковного чтения в литургических текстах.

Принципы ритмического анализа, разрабатываемые В. Хэранднером, помогают понимать и рукописные чтения. Показательно в этом отношении переиздание (по четырем спискам, включая и московский — ГИМ 292 Син.—260 Влад.) в рецензируемой книге этопии, известной в издании А. Пиньяни как сочинение Никифора Василага. Новые наблюдения над ритмической организацией произведения позволили исправить ряд чтений. Более того, этот анализ заставляет вновь вернуться к проблеме авторства памятника, приписываемого в большинстве списков Симеону Метафрасту, а не Никифору. По наблюдениям В. Хэранднера, этопия является произведением неизвестного автора, но, возможно, — и Никифора Василага.

Вообще же ритмические показатели строения фразы могут играть важную роль в установлении авторства. Это хорошо демонстрируется В. Хэранднером на примере спорных атрибуций сочинений Псевдо-Либания, жития Георгия Амастридского и других агнографических сочинений, *Σχέση μίος*, приписываемой Прод-